

Н.И. Никитин
N.I. Nikitin

**«ЛИТВА» И «ЛИТОВСКОГО СПИСКА КАЗАКИ»
В ОСВОЕНИИ СИБИРИ XVII ВЕКА**

**«LITHUANIA» AND «LITHUANIAN COSSACKS LIST» IN THE
DEVELOPMENT OF SIBERIA OF THE XVII CENTURY**

Аннотация:

Статья посвящена вопросу о роли выходцев из европейского зарубежья, фигурирующих в русских документах как «литва», в присоединении к России сибирских земель и их освоении в XVII в. Автор показывает несостоятельность мнения некоторых современных историков о выдающейся роли иностранцев западного происхождения в освоении Сибири, об их огромном влиянии на формирование менталитета сибиряков путем привнесения в него «ориентиров либерализма и гражданского общества». Автор считает это просто физически невозможным. По его подсчетам, численность этой категории служилых людей в сибирских гарнизонах составляла не 40—60 %, как утверждается в некоторых работах, а в среднем около 10—20 %. Какого-либо особого статуса иностранных воинских формирований в Сибири автор не видит. Сомнительна и приверженность большинства входивших в них лиц (польских дворян и их слуг, белорусов, запорожских казаков, наемников-ландскнехтов) «либеральным ценностям». Автор приходит к выводу о довольно быстром обрусении иностранного контингента, входившего в состав сибирских войск, а особенности менталитета сибиряков объясняет прежде всего природно-климатическими условиями края и отсутствием там крепостного права. Касаясь военных действий на зауральской территории с участием иностранцев, автор обращает внимание на то, что из их среды вышло несколько смелых и талантливых военачальников, отмечает в целом высокие боевые качества подразделений, сформированных из «литвы», но не считает, что они в этом отношении принципиально отличались от большинства сражавшихся вместе с ними русских казаков. Автор не склонен к высокой оценке вклада лиц иностранного происхождения и в земледельческое освоение Сибири, считая его по сравнению с вкладом русского населения довольно скромным, хотя и достойным признания. В целом же, по мнению автора, роль выходцев из западного зарубежья в закреплении за Россией зауральских территорий была хоть и не выдающейся, и тем более не решающей, как считают некоторые исследователи, но достаточно заметной, чтобы отдавать ей должное в исторических трудах.

Ключевые слова: освоение Сибири, русские казаки, «казаки литовского списка», численность гарнизонов, военные действия, занятия земледелием.

Abstract:

The article is devoted to the role of immigrants from European countries, who appear in Russian documents usually as «Lithuania», in the annexation of Siberian lands to Russia and their development in the XVII century. The author shows the inconsistency of the opinion of some modern historians about the outstanding role of foreigners of Western origin in the development of Siberia, in their enormous influence on the formation of the mentality of Siberians by introducing into it «the guidelines of liberalism and civil society». This, according to the author, was simply physically impossible. According to his calculations, the number of this category of population in the Siberian garrisons was not 40—60 %, as stated in some works, but on average about 10—20 %. The author does not see any special status of foreign military formations in Siberia. He also doubts the commitment of the majority of their members (Polish nobles and their servants, Belarusians, Zaporozhian Cossacks, Landsknecht mercenaries) to «liberal values» and comes to the conclusion about the rather rapid Russification of the foreign contingent that was part of the Siberian troops, and explains the peculiarities of the mentality of Siberians primarily by natural and climatic conditions the region and the lack of serfdom there. Regarding the military operations in the trans-Ural territory with the participation of foreigners, the author draws attention to the fact that several brave and talented military leaders came out of their midst, notes the generally high combat qualities of units formed from «Lithuania», but does not believe that in this respect they were fundamentally different from the majority of Russian Cossacks who fought with them. The author is not inclined to highly assess the contribution of people of foreign origin to the agricultural development of Siberia. He considers it, compared with the contribution of the Russian population, rather modest, although worthy of recognition. In general, according to the author, the role of immigrants from Western countries in securing trans-Ural territories for Russia was, although not outstanding and even more so not decisive, as some researchers believe, but sufficiently noticeable to pay tribute to it in historical works.

Keywords: development of Siberia, Russian Cossacks, «Cossacks of the Lithuanian list», the number of garrisons, military operations, farming.

В XVII в. за Уралом, как и в европейской части России, крупные гарнизоны обычно состояли из нескольких категорий ратных людей.

И наряду со стрельцами, пушкарями, пешими и конными казаками, которые по этническому составу априори считались русскими, в сибирской приказной документации фигурируют подразделения, само название которых говорит об их нерусском происхождении. Это были «казаки новокрещеного списка» («новокрещены») и «казаки литовского списка» («литва»). Правда, первые как особое (и небольшое, не более 50 человек) воинское формирование имелись только в «столичном» Тобольске, а вот вторые, как правило, более многочисленные, упоминаются в документах, исходящих из воеводских канцелярий еще ряда сибирских городов. При том прослеживается такая тенденция: в источниках, отражающих ранний период русской колонизации Сибири, иноэтнические воинские формирования обычно обозначаются как «литва» и «новокрещены», а чем ближе к концу XVII столетия, тем чаще они называются казаками «литовского» (и, соответственно, «новокрещеного») «списков». Речь, однако, идет только о тенденции: при слабом развитии канцелярских формальностей в рассматриваемое время строгого единообразия в терминологии ожидать не приходится. И, например, те же «литовские списки» одних документов в других могли называться «иноземными списками», «иноземными сотнями», «литовскими станицами», «литовскими ротами» и т. д. А объединяло их то, что все они за небольшими исключениями несли в основном конную службу.

Источниками тема нашего исследования в целом обеспечена неплохо, хотя по хронологии и неравномерно: за одни годы они позволяют получить подробную информацию по интересующим исследователя вопросам, за другие же она может попросту отсутствовать. Основная часть этих материалов хранится в фонде «Сибирский приказ» РГАДА (ф. 214), многое уже опубликовано. По количеству и степени сохранности на первое место надо, конечно, поставить документы массового учета, напрямую касающиеся личного состава сибирских гарнизонов. Это так называемые окладные (именные) книги жалованья, городовые и сметные списки, «рописи служб» и «послужные списки», «верстальные и разборные книги». Ценную информацию о «служилых иноземцах» можно получить и из учетных материалов региональной направленности — из прихода-расходных, дозорных и переписных книг сибирских городов и уездов, а также из обширного «актового материала» — царских грамот и воеводских «отписок», «наказов», челобитных, «сыскных» дел и тому подобных документов, как уже введенных в научный оборот трудами историков-сибиреведов, так и еще ждущих своего исследователя.

Литература, так или иначе затрагивающая вопросы о роли и месте иноземцев западного происхождения в истории Сибири, тоже довольно обширна. «Литовской» темы нередко касались в своих трудах еще классики сибиреведения — П.Н. Буцинский, Н.Н. Оглоблин, С.В. Бахру-

шин⁷⁹. Не обходило ее вниманием и пришедшее в науку в 1950—1970-х гг. новое поколение историков, в частности, З.Я. Бояршинова, В.А. Александров, Н.Ф. Емельянов. Все они, правда, обычно затрагивали ее попутно с освещением других тем, но порой посвящали оказавшимся за Уралом иноземцам и специальные работы, пусть и небольшие по объему⁸⁰.

Подлинный бум в разработке «иноземческой» проблематики в сибиреведении начался с 1990-х гг. Он был явно связан с оживлением контактов российских историков с их западными коллегами, проявлявшими повышенный интерес к судьбам соотечественников, закинутых волею судеб «на край света» — в далекую, суровую, загадочную Сибирь. Поэтому неудивительно, что вышедшие из печати за последнее 30-летие работы, касающиеся «служилых иноземцев» Сибири, намного превышают по объему аналогичные публикации всего предшествующего периода нашей историографии. Это в основном материалы конференций по данной проблематике, специально посвященные ей сборники статей и публикации в журналах⁸¹. Кроме того, сибиреведы в послед-

⁷⁹ Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889; *Оглоблин Н.Н.* Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.) Ч. 1. М., 1895; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. Т. 4. М., 1959.

⁸⁰ *Бояршинова З.Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского ун-та. Историко-филологические науки. Т. 112. Томск, 1950. С. 23—210; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964; *Емельянов Н.Ф.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия, повинности). Томск, 1980; *Он же.* Томские служилые люди «литва» в XVII — первой четверти XVIII в. // Проблемы исторической демографии СССР. Сб. статей. Вып. 2. Томск, 1982. С. 34—42.

⁸¹ *Немецкий этнос в Сибири.* Альманах гуманитарных исследований. Вып. 2. Новосибирск, 2000; *Немцы на Урале и в Сибири (XVI—XX вв.).* Материалы научной конференции «Германия — Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI—XX вв.». Екатеринбург, 2001; *Клюева В.П.* Иноземцы в Сибири XVII в.: стратегии конфессионального предпочтения // *Иноземцы в России в XV—XVII веках.* Сб. мат-лов конференций 2002—2004 гг. М., 2006. С. 463—472; *Равв Д.В., Резун Д.Я.* «Литва» Кузнецкого острога в XVII в. // *Казачи Урала и Сибири в XVII—XX вв.* Екатеринбург, 1993. С. 37—45; *Они же.* О посылке иноземцев в Сибирь в 1635 г. // *Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX века.* Новосибирск, 2004. С. 13—21; *Резун Д.Я.* Выходцы из стран Западной и Центральной Европы на русской казачьей службе в Сибири в XVII в. // *Народонаселенческие процессы*

нее время все чаще затрагивают «иноземческую» тему в исследованиях комплексного характера.

«Иноземцы» западного происхождения служили в русской армии XVII в., конечно, и в Европейской России, и о них тоже имеется довольно обширная литература — от дореволюционной до постсоветской⁸². Но в трудах сибиреведов «иноземческие» сюжеты с некоторых пор стали получать особую трактовку. И если, например, вопрос о том, какая страна являлась родиной большинства оказавшихся за Уралом «иноземцев», историками давно решен (это, конечно же, Речь Посполитая, в просторечии «Литва»), то относительно обстоятельств, приводивших подданных польской короны в Сибирь, полной ясности у исследователей нет.

Так, господствующая в литературе точка зрения, согласно которой оказавшиеся за Уралом выходцы из зарубежья являлись в основном военнопленными, теперь вызывает сомнение у некоторых исследователей. Их смущает главным образом «многочисленность» этой категории сибирского населения, которую-де трудно объяснить тем, что категорию эту составляли лишь плененные в ходе боевых действий «иноземцы»⁸³.

в региональной структуре России XVIII—XX вв. Мат-лы науч. конф. Новосибирск, 1996. С. 83—86; *Соколовский И.Р.* Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск, 2004; *Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Европейские военные специалисты в российских войсках в Сибири в конце XVI — XVII в. // *Aus Sibirien* — 2011: Научно-информационный сборник. Тюмень, 2011. С. 46—48; *Филь С.Г.* Казаки «литовского списка» // *Казачество Сибири: от Ермака до наших дней (история, язык, культура)*. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Тюмень, 2009. С. 186—198; *Он же.* Казаки «литовского списка» в Сибири XVI — начала XVIII столетий // *Тобольск и вся Сибирь*. № 14. Сибирское казачье войско. Тобольск, 2011. С. 209—215; *Колева Г.Ю.* Служилые люди Сибири: казаки «литовского списка» // *Вестник Томского гос. ун-та*. 2014. № 387. С. 127—136; *Каменецкий И.П.* Выходцы из белорусских земель на службе в Сибири XVII в. // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2014. № 1. С. 12—16; *Люцидарская А.* Участие белорусов в освоении Сибири в XVII — начале XVIII вв. // *Белорусы в Сибири*. Тобольск и вся Сибирь: Альманах. № 30. В 2 т. Тобольск, 2019. Т. 1. С. 116—130.

⁸² См.: *Орленко С.П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М., 2004; *Скобелкин О.В.* Западноевропейцы на русской военной службе в XVI — 20-х гг. XVII в. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Воронеж, 2015.

⁸³ *Солодкин Я.Г.* «Литовские люди» на военной службе в Сибири в конце XVI — первой трети XVII века (к ранней истории формирования служилого

В такой позиции есть свой резон, однако она никак не может поколебать представление о сибирской «литве» как социальной группе, представители которой в абсолютном большинстве переселились за Урал не по своей воле. В Европейской России действительно было немало случаев, когда военнослужащие Речи Посполитой добровольно переходили на русскую сторону, «выезжали на царское имя», но их просьбы об определении в сибирские гарнизоны единичны и вызваны, как правило, стремлением получить там какую-то командную должность. Еще того труднее представить ситуацию, чтобы сколько-нибудь значительное количество выходцев из «Литвы» и тем более из других европейских стран перебиралось в Сибирь самостоятельно, по своей инициативе (как русские «гулящие» или «промышленные» люди) и затем определялось там на «государеву службу». «Иноземцы», служившие в русской армии на территории европейской части страны, обычно оказывались в Сибири либо попав в опалу за какие-то провинности, либо просто отправлялись туда «по государеву указу» целыми подразделениями, как это случилось, например, с «иноземной сотней» («райтарской ротой») из Нижнего Новгорода, которую перевели в Тару в 1635 г.⁸⁴

Сложнее обстоит дело с анализом некоторых других аспектов нашей темы. Еще представители «областного» направления сибирской историографии характеризовали «ссылных» иноземцев как людей, «вносивших в сибирскую жизнь повышенное чувство личности и вообще более культурные начала», и полагали, что они «играли довольно заметную роль в истории заселения Сибири в XVII в.»⁸⁵. Ряд современных историков в развитии этой мысли идет гораздо дальше. Из их работ, вышедших в 1990-е и 2000-е гг., следует, что выходцы из-за «западного пограничья» составляли за Уралом до 40—60 % личного состава гарнизонов и не только внесли в присоединение и освоение Сибири вклад, вполне сопоставимый с вкладом русского населения, но и оказали на сибиряков столь сильное влияние, что превратили их в особый субэтнос, наделив ментальностью, характеризующейся приверженностью «ориентирам либерализма и гражданского общества»⁸⁶.

населения Азиатской России) // Вестник Воронежского гос. ун-та. История. Политология. Социология. 2016. № 1. С. 96.

⁸⁴ *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 38—39.

⁸⁵ *Головачев П.М.* Очерк заселения Сибири в XVI—XVII ст. СПб., 1906. С. 31.

⁸⁶ *Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий. История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993. С. 82; *Дмитриева Л.В.* Культурная антропология Сибири и Тобольска конца XVI — начала XVIII веков

Насколько обосновано такое мнение?

Прежде всего — о численности лиц западного происхождения, оказавшихся за Уралом в XVII в. Она, конечно, колебалась в разные годы, резко увеличиваясь во время войн с Речью Посполитой или Швецией и сильно сокращаясь в мирное время при размене пленных, когда многие из принятых на военную службу в России иноземцев возвращались на родину»⁸⁷. В небольших гарнизонах это даже становилось одной из причин исчезновения (расформирования) «иноземческих» подразделений. Так, в Сургуте, гарнизон которого в XVII в. обычно насчитывал около 200 служилых, «литовская станица» в начале столетия состояла из 30 человек, но к 1660-м гг. она сократилась до 10, после чего вообще перестала упоминаться в документах. «Литовский список» Пелыма в конце первой четверти XVII в. состоял всего из 12 служилых (при численности гарнизона в 80 человек), а к концу 1630-х гг. и они постепенно исчезли из воеводской документации⁸⁸.

Но в крупных гарнизонах, невзирая на все преходящие обстоятельства, «литовские списки» все же сохранялись в течение всего XVII в. и даже росли численно, и именно по ним многие исследователи прежде всего судят о количестве осевших за Уралом выходцев из-за «западного порубежья». Но, как показывают специальные исследования, оно совершенно не соответствует цифрам, коими оперируют историки, отводящие иноземцам крайне важную роль в освоении Сибири.

В первой четверти XVII в. в тобольском гарнизоне было около 700 служилых, в тюменском — около 300; в тарском — около 400. В конце столетия это число возросло до двух с лишним тысяч в Тобольске, до почти тысячи в Тюмени и почти до 800 человек в Таре. А приписанные к этим

// Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки (философия). СПб., 2005. Т. 5. № 10. С. 301; *Шерстова Л.И.* Русские в Сибири XVII века: ментальные и социокультурные трансформации // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII—XX вв. Новосибирск, 2005. С. 25—27; *Ананьев Д.А., Комлева Е.В., Раев Д.В., Резун Д.Я., Соколовский И.Р., Туманик Е.Н.* «Новые земли» и освоение Сибири в XVII—XIX вв.: Очерки истории и историографии. Новосибирск, 2006. С. 192—193.

⁸⁷ См.: *Емельянов Н.Ф.* Население Среднего Приобья. С. 102; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 191—192; *Соколовский И.Р.* Служилые «иноземцы» в Сибири. С. 87, 90; *Бродников А.А.* Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века). Новосибирск, 2009. С. 208—209.

⁸⁸ *Пузанов В.Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. СПб., 2010. С. 163, 177.

городам «иноземческие» подразделения насчитывали в Тобольске лишь около сотни человек в конце первой четверти XVII в. и около двух сотен к концу столетия; в Тюмени за то же время их численность выросла с полусотни до сотни человек; в Таре — с семи десятков до двух сотен. Таким образом, в «литовские списки» крупных городов Тобольского разряда в XVII в. обычно входило не более 10—20 % личного состава гарнизонов⁸⁹.

По Томску имеющиеся в нашем распоряжении данные о численности «литвы» свидетельствуют, наоборот, о ее сокращении: в 1633 г. — 150 человек, в 1634 г. — 200, в 1667/68 г. — около 100, в 1680 г. — 86, и историки приходят к выводу, что иноземцы западного происхождения составляли в томском гарнизоне от 8 до 10 % его состава⁹⁰.

Таким образом, полученные исследователями к настоящему времени сведения о численности «иноземческих» формирований в Сибири не дают оснований для утверждений, что сибирские гарнизоны на 40—60 % составляли выходцы из западного зарубежья или порубежья. Однако судить об их общей численности по одним лишь «литовским спискам» было бы крайне рискованно.

Дело в том, что чуть ли не с момента своего появления в Сибири они стали активно пополняться лицами, никак с Речью Посполитой и вообще с «Западом» не связанными и называвшимися в таком случае уже не «литвинами», а «литовского списка казаками».

В основе такой практики лежали вполне прозаические причины — наличие в «литовском списке» вакансий («убылых мест») при отсутствии таковых в нужный момент в других подразделениях гарнизона, хотя в ряде случаев нельзя, конечно, исключать взятки представителям воеводской администрации со стороны определяемых на «государеву службу» к иноземцам лиц. И в приказной документации сохранилось немало прямых указаний на определение на выморочные «литовские» места именно русских людей или представителей других народов России⁹¹. Причем их могли поставить и во главе «литовских списков», как это произошло, например, в 1609 г. в Сургуте, где атаманом в «станцию к литве и черкасам» («черкасами» называли украинцев, главным образом запорожских казаков) был назначен стрелецкий пятидесятник⁹².

⁸⁹ См.: *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. С. 32—33; *Пузанов В.Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. С. 127—130, 208, 259.

⁹⁰ *Соколовский И.Р.* Служилые «иноземцы» в Сибири. С. 88.

⁹¹ См., например: Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885. С. 49; РГАДА. Ф. 214. Кн. 51. Л. 156 об. Кн. 235. Л. 119—119 об.

⁹² *Гневушев А.М.* Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914.

Разбавление «иноземческих» формирований «инородным» элементом могло приобретать такой масштаб, что вызывало решительный протест их «коренного» контингента, желавшего оставлять «выбылые места» в своих подразделениях для своих детей и племянников. Москва пыталась в этом вопросе идти «иноземцам» навстречу (см. Приложение к статье), но до конца столетия он так и не был решен, хотя постепенно терял актуальность.

В итоге состав «литовских списков» оказывался довольно пестрым. Прежде всего, он отражал этническую неоднородность самой Речи Посполитой. Насколько это отражение соответствовало численному соотношению населявших ее народов — судить трудно. В Сибири же, как убедительно доказано Г.Ф. Лещенко, в составе «литвы» долгое время преобладали белорусы⁹³, но к концу XVII столетия, по заключению крупнейшего знатока фондов Сибирского приказа Н.Н. Оглоблина, на первое место вышли «черкасы», т. е. украинцы⁹⁴. Поляки занимали в «литовских списках», стало быть, третье место. Еще меньше было там немцев и скрытых под этим этнонимом представителей других западноевропейских народов.

Подробные сведения о составе «литовских списков» не редкость в материалах Сибирского приказа, особенно в «городовых и сметных списках». Из них, в частности, известно, что в 1630 г. в «литовской роте» Тобольска числились: «литвы и черкас» — 63 человек, «литвы тобольских уроженцев» — 28, «немцев» — 3 и «литовского списку казаков» — 22. Примерно такое же соотношение сохранялось в этом подразделении и в 1633 г.: «литвы и черкас» — 66 человек, «немцев» — 2, «литвы тобольских уроженцев» — 30, «литовского списку казаков» — тоже 30. А «литовский список» Тюмени 1628/29 г. давал гораздо более пеструю картину. В нем было «литвы» — 2 человека, «черкас» — 6, «литвы тюменских уроженцев» — 5, «немчин» — 1, «литовского списку казаков» с тем, что «в прошлом во 135-м году в литовской список поверстан пушкарский сын» — 22, «новокрещеных татар» — 3, «новокрещен черемисин» — 1 и «новокрещеного татарина сын тюменской уроженец» — 1⁹⁵.

Весьма красноречивыми являются полные названия таких подразделений, встречающиеся в приказной документации: «Литва, и нем-

№ 109. С. 367.

⁹³ См.: *Лещенко Г.Ф.* Переселения из Белоруссии в Поволжье и в Сибирь (конец XVI — XVII в.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 1983.

⁹⁴ *Оглоблин Н.Н.* Заговор томской «литвы» в 1634 г. Киев, 1894.

⁹⁵ Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. С. 26; РГАДА. Ф. 214. Стб. 25. Л. 86—87, 91.

цы, и черкасы, и новокрещенные татаровья, и черемисы, и литовского списку конные казаки» (Тюмень); «литва, и черкасы, и немцы, и новокрещеные, и русские люди» (Тара)⁹⁶. Примечательно, что в «литовском списке» Пелыма 1633/34 г. упоминаются два Волошенинова, один Черкашенинов, один Немчин и пять человек с типично русскими именами и фамилиями⁹⁷, а в переписной книге Тары 1701 г. читаем: «Литовской сотни казак Ивашко Яковлев сын Остяков. Сказался родом он... остяк, был ясашной»⁹⁸. Порой же в обозначении одного и того же «иноземца» в делопроизводственной документации могли употребляться сразу несколько этнонимов, например: «Польской литвин Богдан Волошанин»⁹⁹.

Вместе с тем надо отметить, что когда в «литовских списках» не было вакансий, это вынуждало воеводскую администрацию определять всякого рода «иноземцев» в априори «русские» подразделения. Такая практика тоже находила отражение в приказной документации. Так, «Перечневая смета» 1629/30 г. сообщает: в Тюмени «55 человек конных казаков, в конных же казаках 2 человека литвы тюменских уроженцев, да новокрещен черемисин»; «65 человек пеших казаков, в пеших же казаках 3 человека черкас, да новокрещен черемисин, да новокрещен тотарин». В Тобольске, согласно той же «смете», один «литвин» служил в станице конных казаков (насчитывавшей 69 человек); в станицу пеших казаков (71 человек) были поверстаны «4 человека литвы и черкас да немчин»; в стрелецкой сотне служили «3 человека литовских выходцев пахолков»¹⁰⁰.

Через три года, когда произошло существенное пополнение тобольского гарнизона, ситуация с его этническим составом принципиально не изменилась. В «Сметном списке» сибирской столицы мы находим такие записи: «В приказе у головы конных казаков русских людей 57 человек, в конных же казаках литвы 5 человек». «В сотне у сотника стрелецкого 104 человека стрельцов, в стрельцах же 3 человека литвы». «В станицах у 8 человек атаманов русских пеших казаков 501 человек, и в том числе в казаках 3 человека литвы и немец». Общий же итог подсчетов по столичному гарнизону выглядит так: «И всего в Тобольску служилых русских людей 752 человека, иноземцев литвы, поляков, черкас, немец, новокрещенных татар 140 человек. И обоего служилых русских людей и иноземцев 892 человеки»¹⁰¹.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 214. Кн. 30. Л. 248 об. Кн. 148. Л. 95.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 214. Кн. 51. Л. 156—156 об.

⁹⁸ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1182. С. 139.

⁹⁹ Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII. М., 1982. I. № 10. С. 36.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 214. Стб. 25. Л. 91—94.

¹⁰¹ Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. С. 27.

Нетрудно заметить, число «иноземцев», служивших в «русских» подразделениях, и в абсолютном, и в процентном соотношениях существенно уступает числу русских людей, определяемых в «литовские» роты и сотни. Исключение в этом плане составляют лишь «дети боярские». Несмотря на свое громкое название, это был низший чин служилых людей «по отечеству» (т. е. феодалов) в Московском государстве, но за Уралом они являлись как бы «аристократией» гарнизонов. Дети боярские, правда, не составляли самостоятельных подразделений и служили «великому государю» на индивидуальной основе, выполняя наиболее ответственные поручения и являясь первыми претендентами на командные должности. Московская и местная администрации охотно шли на пополнение сибирской служилой верхушки выходцами из Речи Посполитой и других западных стран: уровень образования там был гораздо выше, чем в Московском государстве XVII в., поэтому грамотные и имевшие богатый военный и административный опыт иноземцы часто делали в Сибири неплохую карьеру и становились не только детьми боярскими, но и «начальными людьми» высоких для Сибири рангов.

Тем не менее, сибирские дети боярские (а к концу XVII столетия и появившиеся за Уралом собственные дворяне) в большинстве своем все же состояли из русских людей, хотя в некоторых городах соотношение временно могло меняться в пользу иноземцев. Так, в Томске в 1629/30 г. из 8 детей боярских лишь 1 был иностранцем, в 1636/37 г. из 40 детей боярских уже 15 человек были идентифицированы как поляки и 2 — как греки. А в дальнейшем доля иностранцев среди томской «служилой аристократии», увеличиваясь вместе с ее общей численностью, порой достигала 58 % и даже 64 %¹⁰². Но в Сибири не была редкостью и противоположная динамика, и, например, аналогичные данные по Тобольску (где иноземцев и детей боярских было больше, чем в других сибирских городах) показывают, что если в 1630 г. из 37 детей боярских гарнизона 10 были поляками и 3 — «немцами», то в 1633 г. среди 48 тобольских детей боярских было только 9 человек «литвы, поляков и немец»¹⁰³.

Что же касается тех гарнизонов, где отдельные воинские формирования из «иноземцев» отсутствовали, то там верстание «литвы» во все служилые категории было общим правилом, тем более что и численность ее при всех колебаниях была в целом невелика. Например, в Березове при гарнизоне в 250—300 служилых в 1628—1630 гг. «литвы, немец и черкас» было 9 человек, в 1633 г. — 3, в 1638 г. — 2 (а позд-

¹⁰² См.: Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» в Сибири. С. 90, 184.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 214. Стб. 25. Л. 91; Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. С. 26.

нее ни одного)¹⁰⁴. В Верхотурье, по данным «Перечневой сметы», в 1630 г. служил всего один «литвин» (причем это был «у стрельцов и у казаков сотник»)¹⁰⁵. В Кузнецке в начале 1660-х гг. находилось 35 поляков (что составляло около 15 % его гарнизона), но уже в 1681 г. — лишь 13 (чуть больше 7 %)¹⁰⁶. В Енисейске в 1635 г. доля «иноземцев» в гарнизоне, по подсчетам И.Р. Соколовского, составляла около 13 % (53 человека из 391), в 1662 г. — 11 % (56 человек из 504), в 1677 г. — 3 % (15 человек из 493)¹⁰⁷. О Красноярске у нас сведения уже не столь систематизированы, но известно, что с 1637 по 1672 г. при как минимум трехкратном увеличении личного состава гарнизона (с одной сотни до трех) число «немцев, поляков и литвы» в нем тоже многократно выросло с... одного человека до 18¹⁰⁸. Кроме того, в 1670-е гг., когда численность красноярских служилых приблизилась к шести сотням, при нем была сформирована пешая «черкасская полусотня», первоначально, по словам С.В. Бахрушина, «вероятно, состоявшая исключительно из ссыльных “черкас”, а впоследствии заполнявшаяся и другими элементами»¹⁰⁹.

Таким образом, мы видим, что большинство служилых из числа иностранцев западного происхождения было сосредоточено на территории Западной Сибири, но и там они никогда не составляли ни 40 %, ни тем более 60 % от всего личного состава гарнизонов. К востоку же от Енисея таких иноземцев было еще меньше, и они на этих просторах, по верному замечанию П.Н. Бараховича, уже «не играли какой-либо заметной роли, теряясь на фоне массы русских служилых людей»¹¹⁰.

* * *

В литературе можно встретить мнение, согласно которому служилые «иноземных» формирований как в Европейской России, так

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 214. Стб. 25. Л. 95; *Пузанов В.Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. С. 194.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 214. Стб. 25. Л. 93.

¹⁰⁶ *Соколовский И.Р.* Служилые «иноземцы» в Сибири. С. 88.

¹⁰⁷ *Соколовский И.Р.* Служилые «иноземцы» в Сибири. С. 96.

¹⁰⁸ *Барахович П.Н.* Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2016. С. 22.

¹⁰⁹ *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 4. М., 1959. С. 70.

¹¹⁰ *Барахович П.Н.* Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды). Дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2016. С. 107.

и за Уралом имели особый социальный статус — более высокий, чем у служилых остальных подразделений, и пользовались некой «автономией»¹¹¹. Но это не находит подтверждений в документальных материалах, и не только в сибирских.

Исходившие из Москвы предписания верстать ссыльных иноземцев «против иных сибирских служилых людей»¹¹² ясно показывали отношение российских властей к этому контингенту. И он, кроме специфических названий своих формирований, ничем практически не отличался по положению от других подразделений в своих гарнизонах.

Практика выбора командиров с последующим их утверждением «наверху», рассматриваемая некоторыми исследователями как привилегия «литвы», как ее право на самоуправление, была широко распространена и в русской служилой среде, причем не только за Уралом, но и в европейской части страны¹¹³. Представлениям об особом статусе «литовских» рот, станиц и сотен противоречат также случаи их объединения в один «приказ» с другими подразделениями конной службы, что в Сибири, по сути дела, превратилось в тенденцию к концу XVII в. Так, в 1690/91 г. «по государеву указу» был назначен «у тобольских литовского и новокрещеного списков и у конных казаков головою» дворянин Петр Толбузин¹¹⁴. На следующий год эту должность, судя по «наказной памяти», занял дворянин Борис Струнин, и в документе этом, в частности, неоднократно указывалось, что «прибирать на убылые места» в подведомственных подразделениях, включая «литовский список», он должен с ведома воеводы¹¹⁵.

О том, что по своему статусу «иноземцы» в Сибири ничем не отличались от русских казаков, свидетельствуют и оклады жалованья, в принципе одинаковые для всех категорий конной службы¹¹⁶, и многочисленные случаи перетасовки личного состава гарнизонов, включая «литву». Документы массового учета постоянно фиксируют,

¹¹¹ См., например: *Головачев П.М.* Очерк заселения Сибири в XVI—XVII ст. С. 31; *Евдокимов Р.Н.* Днепровские казаки Тулы в первой половине XVII столетия: особая группа служилых людей Московского государства // *Российская история.* 2015. № 5. С. 26—28.

¹¹² Цит. по: *Очерки истории Югры.* С. 190.

¹¹³ См.: *Александров В.А.* «Войско» — организация сибирских служилых людей XVII в. // *История СССР.* 1988. № 3. С. 94—113; *Никитин Н.И.* «Служилые по прибору» как особая социальная группа Московского государства XVII века // *Исторические записки.* 2022. Вып. 21. С. 23.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Стб. 340. Л. 421.

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Стб. 340. Л. 565—569.

¹¹⁶ См.: *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири. С. 110—113.

с одной стороны, переводы служилых из «литовского списка» в другие подразделения, а с другой — переводы из других подразделений в «литовский список». Причины таких действий указываются редко, но обычно они диктовались соображениями сугубо практического, порой даже бытового характера. Кто-то из «литвинов» обеднел, и его «с конную службу не стало». Кто-то был определен в пешие казаки в виде дисциплинарного наказания. Кто-то из казаков или стрельцов, наоборот, должен был быть в порядке поощрения переведен на более престижную и более оплачиваемую конную службу, да вот вакансии в соответствующем «русском» подразделении не оказалось, зато в «литовском списке» она нашлась и т. д.¹¹⁷

К числу более редких случаев можно отнести перевод «черкашина» в пушкари из-за опасения, что он, будучи «селитренным мастером», может во время похода в степь попасть к врагам в плен и те заставят его делать им порох¹¹⁸. Но случались и необъяснимые с позиций обыденной логики служебные перемещения — например, перевод в Тобольске троих ссыльных иноземцев из стрельцов в пешие казаки с прежними окладами¹¹⁹, которые, заметим, у этих категорий служилых были абсолютно одинаковы, как и характер обязанностей.

Обособленности «литвы» от других служилых категорий никак не мог способствовать и порядок расселения жителей в сибирских городах и уездах, ибо там он, в отличие от Европейской России, как правило, не носил слободского характера. Например, на улицах Тобольска, судя по дозорной книге 1624 г., размещались дворы представителей самых различных социальных групп, так что соседями «литвинов» обычно оказывались русские люди — посадские, казаки, стрельцы, пушкари. За городом население тоже обычно располагалось «чересполосно» — вне зависимости от своей «чиновной» принадлежности¹²⁰. И даже там, где властям удавалось разместить какую-то категорию населения компактно, этот порядок быстро нарушался. Примером тому может, в частности, служить основанный в 1593 г. Пелым: в его «Литовской слободе»

¹¹⁷ Примеры переводов из «чина» в «чин» см.: РГАДА. Ф. 214. Кн. 103. Л. 5, 55, 98 об., 177 об. Кн. 219. Л. 64-а об., 69-а об. Кн. 220. Л. 39, 57, 60, 94, 106 об. Кн. 1059. Л. 170, 234 об. Стб. 663. Л. 225.

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Кн. 103. Л. 177 об. — 178.

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 432. Л. 32—32 об.

¹²⁰ См.: *Никитин Н.И.* О характере расселения и землепользования служилых людей в Сибири в XVII в. // *Аграрный строй в феодальной России. XV — начало XVIII в. М., 1986. С. 156—158.*

уже в 1620 г. обнаруживается двор стрелецкой жены (именно с него начался пожар, опустошивший город)¹²¹.

Историки не обнаруживают в документах XVII в. открытых проявлений какой-либо неприязни к «литве» со стороны русских служилых¹²². Думается, это не случайно. Во-первых, как хорошо известно, для человека той эпохи важнее была религиозная, а не этническая принадлежность, а осевшие за Уралом иноземцы западного происхождения либо уже были в большинстве своем православными (белорусы и украинцы), либо быстро становились ими, пройдя церковный чин присоединения к православию (поляки и «немцы»). Во-вторых, исследователями давно подмечена такая особенность русского человека, как комплементарность — умение уживаться с людьми любой расы, национальности и религии¹²³. А учитывая то, что в брак служилые иноземцы в Сибири чаще всего вступали с русскими женщинами¹²⁴, обрусение «литвы» становилось лишь вопросом недалекого времени, отражаясь в том числе и на постепенной замене этого этнонима в документах на этнически нейтральный — «литовского списка казаки».

Большое сомнение вызывает и приверженность большинства служилых иноземцев (т. е. выходцев из польской шляхты, из их «челядников», из белорусских мещан, запорожских казаков, наемников-ландскнехтов) европейским «либеральным ценностям». Так что вряд ли выходцы из западного зарубежья могли оказать сильное влияние на менталитет сибиряков в сторону «европеизации»¹²⁵. Что же

¹²¹ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. В. 2 т. Т. 2. М.; Л., 1941. Приложения. № 167. С. 266.

¹²² *Барахович П.Н.* Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии... Дисс. ... канд. ист. наук. С. 107.

¹²³ *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. С. 334—335; *Зуев А.С.* Сибирь: вехи истории. Новосибирск, 1998. С. 128.

¹²⁴ *Соколовский И.Р.* Служилые «иноземцы» в Сибири. С. 184.

¹²⁵ Близкую точку зрения в 2004 г. сформулировал И.Р. Соколовский. «Ополячивание» русского населения Сибири казалось ему тогда невозможным, ибо «этому препятствовали как сравнительная малочисленность» попавших за Урал иностранцев, так и то, что они не являлись «референтной группой для русского населения», а наоборот — русские диктовали им «образцы поведения» (*Соколовский И.Р.* Служилые «иноземцы» в Сибири. С. 107). Позднее он, видимо, скорректировал свои взгляды на этот вопрос, присоединившись к коллегам, полагающим, что выходцы из западного зарубежья оказали очень сильное влияние на сибиряков (см. выше).

касается его особенностей, которые в последнее время все чаще трактуются в сибиреведческой литературе как основание считать население Сибири особым субэтнотомом (и даже этносом), то они вполне объяснимы как природными факторами Северной Азии, так и отсутствием за Уралом крепостного права, что ментально сближало сибиряков с жителями других российских регионов, не знавших крепостничества, и прежде всего — с Русским Севером, откуда, как хорошо и давно известно, приходила в Сибирь в XVII в. основная масса переселенцев.

* * *

Адаптация служилых иноземцев к сибирской жизни, однако, далеко не всегда шла легко и бесконфликтно. Непривычно суровый климат, бытовая неустроенность при поселении на новом месте, сам статус ссыльного и тому подобные обстоятельства могли толкать иноземцев на путь «измен», особенно в конце XVI — первой половине XVII в., когда в хозяйственном освоении Сибири делались лишь первые шаги, а представление иноземцев о степени удаленности Сибири от Европы было весьма смутным, и они нет-нет да озадачивали местных жителей вопросом: «Далече ли до Литвы?». Однако «иноземческие» заговоры, как правило, жестко пресекались администрацией еще в зародыше, а побегии обычно кончались неудачей: беглецов рано или поздно перехватывали на заставах (маршруты, связывавшие Сибирь с европейской частью страны, были хорошо властям известны) и отправляли назад, а некоторые, бежав к враждебным России кочевникам и вкусив все «прелести» степной жизни, возвращались к русским сами¹²⁶.

То ли осознав бесперспективность попыток вернуться на родину, то ли найдя жизнь в Сибири вполне для себя приемлемой, но при всех колебаниях и «шатостях» оказавшиеся за Уралом иноземцы в большинстве своем стали служить «великому государю» на его восточной «украине», как говорится, верой и правдой. Они выполняли те же обязанности, что и русские казаки, были в большинстве своем умелыми воинами, и хотя навыки, приобретенные ими в свое время на европейском театре военных действий, не всегда могли быть использованы в Сибири, сражались они обычно храбро, демонстрируя прежде всего умение действовать в рукопашном бою¹²⁷.

¹²⁶ См.: *Оглоблин Н.Н.* Заговор томской «литвы» в 1634 г.; *Емельянов Н.Ф.* Томские служилые люди «литва». С. 41; *Очерки истории Югры.* С. 191—192; *Солодкин Я.Г.* «Литовские люди» на военной службе в Сибири. С. 95; *Соколовский И.Р.* Внешние факторы томских событий 14 июня 1634 г. // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2023. Т. 30. № 1. С. 62—71.

¹²⁷ *Соколовский И.Р.* Служилые «иноземцы» в Сибири. С. 186.

Главным видом их «служб» были, конечно, конные походы в степь, разъезды, караулы и другие поручения, требующие передвижения на лошадях. Но и в таежной зоне, двигаясь вместе с русскими землепроходцами «встречь солнца» на судах по рекам или пешком, «литвины» могли вносить важный вклад в дело «покорения Сибири». Пример тому — объединенная экспедиция тобольских, березовских и мангазейских служилых, возглавляемых поляком Самсоном Навацким, а затем «литвинами» Антоном Добрынским и Мартыном Васильевым. В 1629 г. они были направлены на Нижнюю Тунгуску для защиты русских промысловиков и торговцев от нападений местных племен и, втянувшись на несколько лет в тяжелые бои, положили начало открытию и присоединению к России земель по «великой реке Лене»¹²⁸.

В Сибири выходцы из западного зарубежья нередко проявляли себя и как храбрые, талантливые военачальники. Таким, например, был сын боярский Остафий Михалевский. Отряд томских служилых, в составе которого он находился, будучи в 1634 г. окруженным в степи у Белого озера многочисленным киргизским и монгольским войском, попал в отчаянное положение. Собравшись на «круг», казаки «отказали» в подчинении поставленному во главе их экспедиции и оказавшемуся никудышным полководцем Андрею Просовецкому (одному из сосланных в Сибирь деятелей Смутного времени) и передали командование Михалевскому. Тот сам повел сильно поредевшее русское войско в атаку и, проявив недюжинную отвагу и мужество, прорвал плотные ряды неприятеля, и в конце концов благополучно вывел казаков к Томску¹²⁹.

В подобной же ситуации в Красноярске в сентябре 1679 г. на высоте положения оказался ссыльный украинский полковник Василий Многогрешный. Город был осажден большим киргизским войском, полностью разорившим окрестности и неоднократно предпринимавшим попытки штурма. Положение красноярцев становилось критическим, и тогда они освободили содержащегося в тюрьме В. Многогрешного и выбрали его военачальником. Он действовал решительно: вывел служилых людей на вылазку, построил их «строем», расставив в рядах сня-

¹²⁸ Якутия в XVII в. Очерки. Якутск, 1953. С. 13—26, 291; *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Восточной Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. С. 33—36.

¹²⁹ *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 201—205; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. С. 43—46; *Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий. С. 122—123; [*Резун Д.Я.*] Служилые люди Сибири конца XVI — начала XVIII века: Библиографический словарь М., СПб., 2020. С. 575.

тые с крепостных стен пушки, и в ходе ожесточенного сражения отбросил врага от города¹³⁰.

Историкам хорошо известен и казачий голова, выходец из «Прусской земли» Афанасий Бейтон. Во время русско-китайской войны 1683—1689 гг. за амурские земли он возглавил героическую оборону Албазина (1686—1687 гг.), и под его умелым командованием защитники города успешно отразили все вражеские приступы, выдержав массированные артиллерийские обстрелы. А на неоднократные предложения противника капитулировать Бейтон, согласно народной молве, отвечал знаменитой фразой: «Русские в плен сдаваться не привыкли!»¹³¹.

Для нашей работы, однако, представляется более важным вопрос о поведении в боях и походах рядовой массы выходцев из западного зарубежья. В этом могут помочь сохранившиеся «послужные списки», в которых фиксировались боевые заслуги сибирских служилых. Один из них был составлен в связи со сражением с киргизами 9 августа 1642 г. у гор за р. Июс объединенного отряда из тобольского, тюменского, тарского и томского гарнизонов под предводительством воеводы И.С. Кобыльского. «Список» этот интересен тем, что позволяет сравнить действия в бою «литвы» тобольского гарнизона и русских конных казаков. По нашим подсчетам, получилась такая картина. В «литовской роте» под командованием ротмистра Якова Карвацкого «бились явственно» 41 человек, на бою убили «мужиков» (т. е. вражеских воинов) — 7, ранили — 21, «под мужиком убили коня» — 7. Отмечены и потери самих служилых: под двумя «литвинами» коней убили, под одним коня ранили, один «под мужиком коня убил и под ним коня убили», один «бился явственно, а на бою ранен в левую руку». Одному «литвину» (Остафию Степанову Волошанину) еще больше не повезло: он хоть и ранил «мужика», но сам тоже был «на бою ранен — в хребет против сердца да в левую руку»¹³².

В «сотне» тобольских конных казаков, возглавляемых Яковом Мишкеевским, картина была такой. «Бились явственно» 44 человека, убили «мужиков» — 6, ранили — 9, «под мужиком коня убили» — 6, ра-

¹³⁰ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 4. С. 64; Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. С. 56; [Резун Д.Я.] Служилые люди Сибири конца XVI — начала XVIII века. С. 577.

¹³¹ Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). 2-е изд. Хабаровск, 1984. С. 149, 253; Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий. С. 30; [Резун Д.Я.] Служилые люди Сибири конца XVI — начала XVIII века. С. 81.

¹³² РГАДА. Ф. 214. Стб. 84. Л. 703—708.

нили вражеского коня — 4, и еще о 5 сказано: «бился явственно и конь под ним ранен»¹³³.

Таким образом, принципиальных различий между действием в бою тобольских конных казаков и «литвинов» не просматривается, за исключением того, что конные казаки смогли избежать ранений. Но в подразделениях, представляющих в этом бою русскую конницу других гарнизонов, раненые имелись примерно в таком же, как у тобольской «литвы», количестве, да и ситуация с заслугами схожая¹³⁴.

* * *

Служилые иноземцы, конечно, принимали участие не только в присоединении, но и в хозяйственном освоении Сибири, хотя их вклад в экономическое развитие края был гораздо меньшим по сравнению с вкладом других категорий служилого населения. О «литвинах»-ремесленниках нам практически ничего не известно, видимо, таковых были единицы. Подторговывали, сбывая военную добычу или купленные во время служебных поездок «на Русь» товары наверняка почти все (как и русские служилые), но такую коммерцию трудно отнести к понятию «хозяйственное освоение». Другое дело земледелие. При всех рисках оно давало в Сибири наиболее надежный источник существования и закрепляло за Россией зауральские территории столь же прочно, как города и остроги с их гарнизонами.

Обращение «литвинов» для улучшения своего материального положения к хлебопашеству отмечается прежде всего окладными книгами, поскольку после реформ тобольского воеводы Ю.Я. Сулешова (1623—1625 гг.) все сибирские служилые, имевшие пашню, в зависимости от ее размера либо лишались хлебного жалованья совсем, либо получали лишь часть его, что и фиксировалось соответствующими записями в документах массового учета.

По нашим подсчетам, в Тобольском гарнизоне в 1630 г. «с пашни» (полностью или частично) служили 112 человек, из которых 23 были «литвинами». В 1650 г. — из 87 служилых хлебопашцев Тобольска «литву» представляли 22 человека. В 1699 г. из 216 занимавшихся хлебопашеством тобольских служилых уже 45 человек были обозначены как «литовского списку казаки». В тарском гарнизоне в те же годы соотношение было уже несколько иным. В 1630 г. из 103 хлебопашцев «литвинами» были 22 человека, в 1650 г., соответственно, из 61 — 17, а в 1699 г. из 307 — 132. Для сравнения: в более благоприятном для эко-

¹³³ РГАДА. Ф. 214. Стб. 84. Л. 714—719.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 214. Стб. 84. Л. 690—692, 720—734.

номического развития Тюменском уезде в том же 1699 г. из 411 пахавших землю служилых в «литовский список» входили лишь 77 человек¹³⁵.

О вкладе томской «литвы» в аграрное освоение Сибири мы можем судить по заключению, сделанному после изучения этого вопроса И.Р. Соколовским. «Многие иностранцы, — пишет он, — не получали “хлебного жалованья”, заменяя его доходами со своей “пашни”. Однако исследование вопроса о соотношении принадлежности к первому, второму или третьему поколению “иноземцев” с занятием сельским хозяйством показало, что в 1680 г. из представителей первого поколения только 8,5 % имели пашенные и сенокосные заимки, у второго поколения таких было 24,3 % (этот показатель приближается к показателям русских служилых), а у третьего — 50 %. Из этого нами был сделан вывод о том, что иноземцы, попавшие на русскую службу, не особенно стремились заняться сельским хозяйством, несмотря даже на наличие семей»¹³⁶.

Тем не менее, вклад иноземцев в развитие сибирского земледелия должен быть отмечен. Особенно учитывая то, что ряд основанных ими в Сибири сельских поселений просуществовал несколько столетий, а некоторые сохранились и до нашего времени¹³⁷.

Итак, у нас есть все основания заключить, что роль выходцев из западного зарубежья в присоединении к Российскому государству зауральских территорий и их освоении в XVII в. была хотя и не выдающейся и тем более не решающей, но все же весьма заметной, и она должна получать соответствующую реалиям оценку в трудах по истории Сибири.

Приложение

1647 г. Материалы дела Сибирского приказа о нарушении порядка верстания в «иноземскую сотню» г. Тары.

Царю государю (*титул*) бьют челом холопи твои дальние твоей государевы отчины Сибирские украинны старого выезду иноземцы литва Ефимко Петров сын Грабаневский да Янка Калактухов райтарской роты.

Служим мы, холопи твои, тебе государю всякие твои государевы службы лет с сорок, и, служа твои государевы службы, переранены и изувечены и устарели, и ныне твоей государевой службы нам, холопам твоим, служить невозможно. Есть у нас, холопей твоих, детишки наши,

¹³⁵ См.: *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири. С. 168—170.

¹³⁶ *Соколовский И.Р.* Служилые «иноземцы» в Сибири. С. 187—188.

¹³⁷ См.: *Емельянов Н.Ф.* Томские служилые люди «литва». С. 42; *Резун Д.Я.*

Родословная сибирских фамилий. С. 180.

и в твою государеву службу поспели. Милосердый государь (*титул*) пожалуй нас, холопей своих, за наши многие службы, за раны и за увечьи (и) за старость, вели государь детишек наших поставить в свою государеву службу и поверстать в наши оклады своим царским денежным и хлебным жалованьем.

На обороте. 155-го февраля в 5 де(нь) приказал боярин князь Алексей Никитич Трубецкой писать в Тоболеск, велеть тех старых иноземцов порозсмотреть. Будет добре стары и гораздо увечны и от службы отбыли, а у которых у них дети их есть, а в службу поспели и з служб[у их] будет — им старых за старость и за увечье от службы отставить, а детей их, которые в службу поспели и з службу их будет, верстать службу в Тобольску на их места, а оклады им чинить из отцовых окладов по высмотру, по скольку кому пригоже.

РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стб. 1402. Л. 383—383 об.

Царю государю (*титул*) бьет челом холоп твой дальние твоей государевы Сибирской отчины Тарского города служивой иноземец Якунка Лантухов и во всех товарищев своих место ста человек. По твоему государеву указу, как к нам, холопям твоим, приехал на Тару воевода Яков Тухачевской, и сказал нам, холопям твоим, литве и черкасом, твою государеву дальнею службу: ийти в Киргискую землю, а служить де вам райтарская служба. И как тот воевода стал под(ъ)иматца на твою государеву службу в Киргизы, из нашей сотни выставил вон литвы и черкас тритцать человек, а в их место взял из ыных сотен русских козаков, и идучи сказал: потерпите де до тех мест, пока де место я с службы схожу, и вы де будете по старым своим местом в ыноземской сотни, а русских де людей я выведу тритцать человек по прежним де их сотням и по десятком, а беру де я их для тово, что де они языку тотарскому и колмацкому знают, а иду де с ними на время в Киргисскую землю.

И как, государь, тот Яков Тухачевской пришел с твоей государевы службы на Тару, и тех выставленных иноземцов тритцать человек опять по прежнему в ыноземскую сотню не приверстал, а тех русских людей не вывел и сверх, государь, тово в нашу иноземскую сотню настановилось на убылые на побитые и на мертвые место посошных людей. А детишко, государь, наши и племянники поспели давно в твою государеву службу, и им стать немочно, потому что ставятца посошные люди, и нам от них стала изгоня и налога большая. И те отставленные иноземцы и по ся место скитаютца меж двор, помирают голодною смертью. А преже, государь, сево в наших в ыноземских сотнях русских людей не бывало, и посошные люди к нам не ставились.

И я, холоп твой, бил челом тебе государю, чтоб ты, государь, нас пожаловал, велел тем отставленным иноземцам и детишкам и племян-

ничишкам нашим служить свою государеву службу в нашей иноземской сотне. И ты, государь, нас, холопей своих, пожаловал: велел нам дать твоя государева грамота, и та твоя государева грамота написана, лежит на столе, и дьяк Григорей Протопопов без твоего государева указу не пометит и той грамоты не отпустит, а я, холоп твой, волочюсь за тем четыре недели, помираю голодную смертью. Милосердый государь... вели... тое грамоту положить перед собою государем и свой царский указ учинить, чтоб нам, холопом твоим, вконец не погибнуть и твоей государевы службы впредь не отбыть.

РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стб. 1402. Л. 383—384.

Имена нижегородцом служивым людям, которые присланы на государеву службу на Тару литва и черкасы:

Григорей Иволга,
Василей Устинов,
Лукьян Дубровской,
Харитон Савельев,
Федор Богомол,
Соболь Федоров,
Олексей Остафьев,
Ондрей Мазуров.

И из тридцати человек только восемь человек осталось, которых Яков Тухачевской выстановил, идучи в Киргизы.

Русские козаки, которых Яков Тухачевской поставил в тех место, которых вывел вон литву, черкас из розных сотен на время, покудова с службы сходит:

Микита Медвежья Голова, Максим Кузнецов,
Петр Ондреев, Максим Горбунов,
Иван Байгачов, Микита Григорьев Колоч...
Семен Толмачов, Яков Тороторин,
Иван Косой, Иван Нефедов Солдат,
Василей Дразов, Бажен Розу...
Василей Ферсов, Мартын Поворов,
Федор Антипов.

РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стб. 1402. Л. 386.

На обороте грамот. 155-г(о) февраля в 11 де(нь) приказал боярин князь Алексей Никитич Трубецкой дати им грамоту в Тоболеск к боярину и воеводе к Ивану Ивановичю Салтыкову с товарищи, а велеть про то сыскать: будет Яков тех иноземцов от службы отставил на время по указу, а не за вины их, а в их места взял с собою на службу из пеших казаков, а после того будет в пеших казаков место прибраны гулящие

люди, а те старые иноземцов без вины бродят меж двор, и им велеть быть в службе по прежнему, а пешим казакам прежним — в пешех казаках, а гулящих людей, которые в их место прибраны, отставить и учинить о том боярину Ивану Ивановичю Салтыкову с товарищи по своему раз(с)мотренью.

РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стб. 1402. Л. 385 об., 384 об.

Царю государю (*титул*) бьют челом холопи твои Тарского города присыльные из Нижнова Новагорода иноземцы литва и черкасы Якунка Лонтухов и в товарищей своих место ста человек. Служили мы, холопи твои, блаженные памяти отцу твоему... по Нижному Новгороду с своею брать(е)ю с иноземцы с литвою и с немцами многие ваши государевы службы, и по указу отца твоего государева переведены, холопи твои, из Нижнова Новагорода з женишками и з детишками на житье и для твоей государевы службы в Сибирь на Тару. А как мы, холопи твои, в Нижном Новгороде служили, и у нас, холопей твоих, в сотне русских людей, ни пермяков, ни зерян не бывало, а ныне, государь, на Таре в наши умершие места ставятца новоприборные люди, пермяне и зеряне, да нас же, холопей твоих старых служивцов, отставили ис твоей государевы службы на Таре из нашей иноземской сотни тридцать человек, а в то место поставлены русские люди, а те, государь, наша братья, отставленные, з женишками и з детишками бродят меж двор, а у нас, холопей твоих, детишка наши и племянники, иноземские дети, без мест, а бродят тако ж меж двор не в службе человек с пятьдесят, а иные кормятца по Табольску и по Тумени.

Да наши ж, государь, детишка и племянники многие служат тебе государю в розных пешех сотнях, а те, государь, детишка наши и племянники в твою государеву службу пригодились давно, срослые люди, и мы, холопи твои, з детишками своими розрознились, и в твою государеву службу детишак наших в нашу иноземскую сотню не ставят. И мы, холопи твои, без детишек своих врозни в конец погибли и при старости надежи нам держать при твоей государеве службе не на ково, потому что к нам иноземцам ставят в сотню пермяков и зерян, несвы[ч]ных людей, а прослуги нашей перед тобою праведным государем нигде не было, опроче нашей кровавой службы.

Милосердый государь... пожалуй нас, холопей своих, за наше службишко и за кровь, вели, государь, детишок наших и племянников приверстать в нашу иноземскую сотню на пермяков и на зерян, и на русских людей место, которые в наши отставленные места становились, и впредь, государь, вели на наши умершие места верстать в свою государеву службу детишок же наших, иноземских детей, а не пермяков и не зерян, чтоб нам, холопем твоим, быть з детишками своими по преж-

нему в твоей государеве службе в сотне аднем иноземцом. А блаженные памяти при отце твоем государеве... у нас, холопей твоих, у иноземцов в сотне русских людей и пермяков и зерян не бывало, а нам, холопям твоим, ныне от них налога и обида великая, чтоб нам, холопям твоим от них вконец не погибнуть и твоей царьской службы впредь не отбыть.

РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стб. 1402. Л. 381—382.

От царя и великого князя (*титул*) в Тоболеск боярину нашему и воеводе Ивану Ивановичю Салтыкову, да стольнику нашему и воеводе Ивану Семеновичю Гогарину, да дьяком... Били нам челом ис Сибири Тарского города иноземцы и литва и черкасы Якунко Лантух и во всех тарских иноземцов место (*далее повторение текста челобитной о переводе с Нижнего Новгорода на Тару*). И которые де из них иноземцы живучи на Таре помирают, и которого на бою убьют, и в тех де мертвых и побитых место воеводы ставят в службу прихожих людей, зырян и пермяков, которым служивое дело не в обычай, мимо их иноземцовых детей и племянников, которые в нашу службу поспели, и сотню де их иноземскую смешали с русскими людьми, а их де иноземские дети после отцов своих и племянники скитаютца меж двор, а которые де их иноземские дети и племянники на Таре в нашу службу не устроены, и те служат в розных сотнях пешую службу. Да как по указу... отца нашего... воевода Яков Тухачевской с сибирскими служилыми людьми на наших изменников на непослушников на киргисских людей [ходил], и из них же иноземцов отставил тридцать человек, а в их место взял из ыных сотен казаков, а сказал им, как де он, Яков, сходит на киргиз, и им де велит быть в службе по прежнему, и как де Яков Тухачевской ис Киргиз пришел на Тару, и тем де отставленным иноземцом в службе по прежнему быть не велел, и ныне де те оставленные иноземцы з женами и з детьми бродят на Таре меж двор... и... нам бы их пожаловать... и вперед бы в устарелых и в мертвых и в побитых место потому ж велеть в нашу службу в иноземскую сотню имать детей их и племянников.

И как к вам се наша грамота придет, и ты б, боярин наш и воевода Иван Иванович, отписал от себя на Тару к воеводе к Григорью Бутурлину: которые тарские иноземцы, литва и черкасы, учнут помирать и кого убьют на бою и за старость от нашей службы отставят, и после тех мертвых и побитых иноземцов учнут оставатца дети их и племянники, и ты б тех иноземских детей и племянников велел с Тары присылать в Тоболеск, а в Тобольску тех иноземских детей и племянников, которые в службу пригодятца и ничем не устроены, верстать... в службу на убылые иноземские места, а нашего годового денежного и хлебново жалованья и соли велели им оклады учинить, смотря по людем, хто в которую статью пригодитца, из выбылых иноземских окладов. А которых

будет тритцать человек иноземцов отставил воевода Яков Тухачевской, а в их место взял... русских людей из розных сотен, и ты б... про то велел на Таре сыскать всякими людьми, почему... Яков Тухачевской и за какую их вину... от нашей службы отставил. Да будет по сыску Яков Тухачевской тех иноземцов... отставил на время, не по нашему указу собою, а не за вину, и ты б тем отставленным тритцати человеком иноземцом велел на Таре... служить по прежнему, а которые в их место взяты были из розных сотен, и вы б тем служилым людям велели быть в их прежних сотнях, а которые будет гулящие люди... и вы б тех гулящих людей велели от службы отставить. А которые иноземские дети малы и в службу не успели, и которые чем увечны и с наши службы их не будет, и вы б таких... на выбылые места верстать не велели...

Писано на Москве лета 7155-го февраля в 18 де(нь).

РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стб. 1402. Л. 387—394.

Список литературы

1. Александров В.А. «Войско» — организация сибирских служилых людей XVII в. // История СССР. 1988. № 3. С. 94—113.
2. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). 2-е изд. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1984. 271 с.
3. Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М.: «Наука», 1964. 303 с.
4. Ананьев Д.А., Комлева Е.В., Раев Д.В., Резун Д.Я., Соколовский И.Р., Туманик Е.Н. «Новые земли» и освоение Сибири в XVII—XIX вв.: Очерки истории и историографии. Новосибирск: «Сова», 2006. 227 с.
5. Барахович П.Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2016. 29 с.
6. Барахович П.Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды). Дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2016. 438 с.
7. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 376 с.
8. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 258 с.
9. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Европейские военные специалисты в российских войсках в Сибири в конце XVI — XVII в. // Aus Sibirien — 2011: Научно-информационный сборник. Тюмень, 2011. С. 46—48.
10. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского ун-та. Историко-филологические науки. Т. 112. Томск, 1950. С. 23—210.

11. *Бродников А.А.* Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века). Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т; Енисейский краевед. музей им. А.И. Кытманова, 2019. 341 с.

12. *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков: Типография Губернского правления, 1889. 345 с.

13. Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1982. I. 160 с.

14. *Гневушев А.М.* Акты времени правления царя Василия Шуйского. М.: Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1914. 421 с.

15. *Головачев П.М.* Очерк заселения Сибири в XVI—XVII ст. СПб.: Типография Альтшулера, 1906. 44 с.

16. *Дмитриева Л.В.* Культурная антропология Сибири и Тобольска конца XVI — начала XVIII века // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки (философия). Т. 5. № 10. СПб., 2005. С. 299—309.

17. *Евдокимов Р.Н.* Днепровские казаки Тулы в первой половине XVII столетия: особая группа служилых людей Московского государства // Российская история. 2015. № 5. С. 26—28.

18. *Емельянов Н.Ф.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия, повинности). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. 251 с.

19. *Емельянов Н.Ф.* Томские служилые люди «литва» в XVII — первой четверти XVIII в. // Проблемы исторической демографии СССР. Сб. статей / Отв. ред. А.Д. Колесников. Вып. 2. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1982. С. 34—42.

20. *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Восточной Азии в состав Русского государства. Новосибирск: «Наука»; Сибирская издательская фирма РАН, 1999. 199 с.

21. *Каменецкий И.П.* Выходцы из белорусских земель на службе в Сибири XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 12—16.

22. *Клюева В.П.* Иноземцы в Сибири XVII в.: стратегии конфессионального предпочтения // Иноземцы в России в XV—XVII веках. Сборник материалов конференций 2002—2004 гг. / Под ред. А.К. Левыкина. М.: Древлехранилище, 2006. С. 463—472.

23. *Колева Г.Ю.* Служилые люди Сибири: казаки «литовского списка» // Вестник Томского гос. ун-та. 2014. № 387. С. 127—136.

24. *Лещенко Г.Ф.* Переселения из Белоруссии в Поволжье и в Сибирь (конец XVI — XVII в.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 1983. 17 с.

25. *Люцидарская А.* Участие белорусов в освоении Сибири в XVII — начале XVIII в. // Белорусы в Сибири. Тобольск и вся Сибирь: Альманах. № 30. В 2 т. Тобольск: «Возрождение Тобольска», 2019. Т. 1. С. 116—130.

26. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. В 2 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 637 с.

27. Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований / Отв. ред. *Н.Н. Покровский*. Вып. 2. Новосибирск: «Гуманитарные технологии», 2000. 215 с.

28. Немцы на Урале и в Сибири (XVI—XX вв.). Материалы научной конференции «Германия — Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI—XX вв.» / Отв. ред. *Н.Н. Баранов*. Екатеринбург: «Волот», 2001. 583 с.

29. *Никитин Н.И.* О характере расселения и землепользования служилых людей в Сибири в XVII в. // Аграрный строй в феодальной России. XV — начало XVIII в. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1986. С. 153—173.

30. *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск: «Наука», 1988. 255 с.

31. *Никитин Н.И.* «Служилые по прибору» как особая социальная группа Московского государства XVII века // Исторические записки. 2022. Вып. 21. С. 9—48.

32. *Оглоблин Н.Н.* Заговор томской «литвы» в 1634 г. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1894. 24 с.

33. *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.). Ч. 1. М.: Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1895. 429 с.

34. *Орленко С.П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М.: Древлехранилище, 2004. 344 с.

35. Очерки истории Югры / Отв. ред. *Д.А. Редин, Н.Б. Патрикеев*. Екатеринбург: «Волот», 2000. 408 с.

36. *Раев Д.В., Резун Д.Я.* «Литва» Кузнецкого острога в XVII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII—XX вв. Сб. научных трудов / Отв. ред. *Н.А. Миненко*. Екатеринбург: УрО РАН. Ин-т истории и археологии, 1993. С. 37—45.

37. *Раев Д.В., Резун Д.Я.* О посылке иноземцев в Сибирь в 1635 г. // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX века. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 2004. С. 13—21.

38. *Резун Д.Я.* Выходцы из стран Западной и Центральной Европы на русскую казачьей службе в Сибири в XVII в. // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII—XX вв. Материалы научной конференции. Новосибирск, 1996. С. 83—86.

39. *Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий. История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск: «Наука»; Сибирская издательская фирма, 1993. 250 с.

40. [Резун Д.Я.] Служилые люди Сибири конца XVI — начала XVIII века: Биобиблиографический словарь / Отв. ред. И.П. Каменецкий, Д.А. Аманьев, Е.В. Комлева, Е.Н. Туманик. М.; СПб.: «Нестор-История», 2020. 992 с.

41. Скобелкин О.В. Западноевропейцы на русской военной службе в XVI — 20-х гг. XVII в. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Воронеж, 2015. 37 с.

42. Соколовский И.Р. Внешние факторы томских событий 14 июня 1634 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30. № 1. С. 62—71.

43. Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск, 2004. 212 с.

44. Солодкин Я.Г. «Литовские люди» на военной службе в Сибири в конце XVI — первой трети XVII века (К ранней истории формирования служилого населения Азиатской России) // Вестник Воронежского гос. ун-та. История. Политология. Социология. 2016. № 1. С. 94—98.

45. Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1885. 144 с.

46. Филь С.Г. Казаки «литовского списка» // Казачество Сибири: от Ермака до наших дней (история, язык, культура). Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. Г.С. Зайцев. Тюмень: Ин-т гуманитарных исслед. Тюменского гос. ун-та, 2009. С. 186—198.

47. Филь С.Г. Казаки «литовского списка» в Сибири XVI — начала XVIII столетий // Тобольск и вся Сибирь. № 14. Сибирское казачье войско. Тобольск: «Возрождение Тобольска», 2011. С. 209—215.

48. Шерстова Л.И. Русские в Сибири XVII века: ментальные и социокультурные трансформации // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII—XX вв. Сб. научных трудов. (Фронт в истории Сибири и Северной Америки. Вып. 5.) / Отв. ред М.В. Шиловский. Новосибирск, 2005. С. 29—37.

49. Якутия в XVII в. Очерки / Под ред. С.В. Бахрушина, С.А. Токарева. Якутск: Якут. книжное изд-во, 1953. 439 с.

Сведения об авторе

Никитин Николай Иванович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. E-mail: nikitin.46@mail.ru

Information about the author

Nikitin Nikolay Ivanovich, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. E-mail: nikitin.46@mail.ru